

Веревочная или ковидная история: семантическое «опустошение» слова в различных типах дискурса

Алтана Доржиевна Базаржапова, Санкт-Петербургский государственный университет
(Россия, Санкт-Петербург), altanaanatla@mail.ru

DOI: 10.31857/S013161170024703-2

АННОТАЦИЯ: Статья посвящена описанию коммуникативного поведения слова *история*, которое в результате процесса ресемантизации употребляется в значении ‘вещь/штука/нечто’ и широко функционирует в современной повседневной русской речи в различных типах дискурса. Исследование выполнено на материале трех источников: устный подкорпус Национального корпуса русского языка, корпус русской повседневной речи «Один речевой день» и отдельные записи окружающей речи (из бытовых разговоров, интервью, лекций и пр.). Проблема функционирования семантически «опустошенного» слова *история* рассматривается в нескольких аспектах: зависимость таких употреблений от типа дискурса и характеристик говорящего (возраст, профессиональная деятельность, уровень речевой компетенции — УРК), а также способность ресемантизированного слова *история* характеризовать конкретный идиолект. Оказалось, что слово *история* с «опустошенной» семантикой играет роль полифункционального средства, обслуживающего в современной русской речи различные типы дискурса, и активное его употребление является результатом экономии речевых усилий и не характеризует никакую конкретную социальную группу говорящих.

Такое употребление имеет, скорее, характер индивидуальной речевой черты: в одних случаях слово *история* обретает статус «слова-паразита» и указывает на невысокий УРК носителя языка, а в других ситуациях свидетельствует о стремлении говорящего с высоким УРК к установлению непринужденного стиля общения.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: коммуникативное поведение слова, ядро и периферия лексико-грамматической характеристики слова, ресемантизация, тип дискурса, идиолект

для цитирования: Базаржапова А. Д. *Веревоchnaya или ковидная история: семантическое «опустошение» слова в различных типах дискурса* // Русская речь. 2023. № 1. С. 7–20. DOI: 10.31857/S013161170024703-2.

благодарности: Исследование проведено при финансовой поддержке гранта РНФ (проект № 22-18-00189 «Структура и функционирование устойчивых неоднословных единиц русской повседневной речи»).

Issues of Modern Russian Language

Verevochnaya or *Covidnaya Istoria*: Desemantization of the Word *Istoria* in Different Discourse Types

Altana D. Bazarzhapova, Saint-Petersburg State University (Russia, Saint-Petersburg),
altanaanatla@mail.ru

SUMMARY: The article is devoted to the description of the communicative behavior of the word *istoria*, which, as a result of the process of resemantization, is used in the “non-dictionary” meaning: ‘a thing/something’ and widely functions in modern everyday Russian speech in various types of discourse. The study was carried out on the material of 3 sources: the oral

subcorpus of the National Corpus of the Russian Language, the corpus of Russian everyday speech “One Speech Day” and separate recordings of the surrounding speech (from everyday conversations, interviews, lectures, etc.). The problem of the functioning of the bleached word *istoria* is considered in several aspects: the dependence of such usages on the type of discourse and the characteristics of the speaker (age, professional activity, level of speech competence — LSC), as well as the ability of the resemantized word *istoria* to characterize an idiolect. It turned out that the word *istoria* with “empty” semantics plays a role of a multifunctional tool serving various types of discourse in modern Russian speech, and its active use is a result of saving speech efforts and does not characterize any particular social group of speakers. Such use has the character of an individual speech trait: in some cases, the word *istoria* acquires a status of a “parasite word” and indicates a low LSC of a native speaker, and in other situations, it indicates the desire of a speaker with a high LSC to establish an easy communication style.

KEYWORDS: communicative behavior of a word, core and periphery of lexical and grammatical characteristics of a word, resemantization, type of discourse, idiolect

FOR CITATION: Bazarzhapova A. D. *Verevochnaya or Covidnaya Istorija*: Desemantization of the Word *Istorija* in Different Discourse Types. *Russian Speech = Russkaya Rech'*. 2023. No. 1. Pp. 7–20. DOI: 10.31857/S013161170024703-2.

ACKNOWLEDGEMENTS: The study was supported by a grant from the Russian Science Foundation (project no. 22-18-00189 “Structure and functioning of stable multi-word units of Russian everyday speech”).

Введение

Многие современные лингвистические исследования основываются на универсальном противопоставлении «язык — речь» и связанном с ним несоответствии между словарной информацией о слове и его употреблением. «Жизнь слова в его реальном употреблении не всегда отражается и фиксируется словарями» [Богданова 2017: 7–8], традиционные словари часто не фиксируют многие «живые формы, которые нам удастся находить во всей их свежести и непосредственности» [Балли 1955: 34] в повседневной речи. Такие явления образуют «периферийную» зону функционирования слова (подробнее о «ядре» и «периферии» лексико-семантического поля слова см.: [Богданова-Бегларян 2020]), а различные изменения, происходящие на ее почве, дают правдивое представление о слове как о «единице, не знающей состояния покоя», пусть и в словаре оно

представлено как «единица, находящаяся в состоянии покоя» [Шведова 2005: 424].

Так, при обращении к словарной статье *история* в Малом академическом словаре [Евгеньева (ред.) 1999: 691] читатель узнает, что это слово имеет 8 значений и входит в многочисленные фразеологические сочетания. Однако обзор различных толковых словарей современного русского языка и анализ повседневной речи показывают, что многие активные употребления слова *история* остаются за рамками традиционной лексикографии. Например, Р. И. Розина в докладе на конференции в ИРЯ РАН обратила внимание на отсутствующее в самом новом словаре русской разговорной речи [ТСРРР 2014] прономинальное значение слова *история* в контексте *Кинотеатр — это совсем другая история* [Розина 2020: 64]. Более подробный комментарий о новейших употреблениях этого слова дал в 2019 г. В. М. Пахомов в подкасте, посвященном последним тенденциям в современной речи:

- *История* — это слово, которое сейчас действительно модное <...>, и, как у всех модных слов, понятно, что это не навсегда. И может быть даже, не очень надолго. Может быть, когда-то кто-то¹ употребил слово *история* вот в таком значении, которое даже трудно как-то вот обозначить. <...> Такое десемантизированное слово, значение которого трудно выделяется. И вот уже несколько лет оно действительно очень модное, оно употребляется активно. И совершенно понятно, что чем чаще, чем больше оно будет употребляться, тем быстрее нам надоест. И мы перестанем употреблять слово *история* в этом значении (Подкаст на сайте «Техника речи»).

Исследователь упоминает десемантизацию, т. е. утрату словом своего значения, или «обесцвечивание» его семантики [Вубее 2003]. Но очень часто приходится говорить не просто о десемантизации слова *история*, а о его **ресемантизации**, которая заключается в том, что в ходе утраты значения это слово обретает новое, сближаясь со словами *вещь*, *штука*, *дело* [Базаржапова 2022]. В этом отношении приведенное выше утверждение Р. И. Розиной верно лишь отчасти. «Толковый словарь русской разговорной речи» все же фиксирует первый шаг «опустошения» семантики слова *история*: одно из его значений формулируется как ‘ситуация, положение вещей’ [Крысин (ред.) 2014: 769–770] и в качестве синонима дается как раз слово *дело* в 4-м значении — ‘о чем-л., что известно, понятно собеседникам из контекста, конкретной ситуации и т. п.’: например, *Хочу*

¹ С этой гипотезой невозможно не согласиться, поскольку «всякое языковое изменение — индивидуального происхождения» и «в своем начале — это свободное творчество человека» [Бонфанте 1960: 299].

картинку повесить// А куда ты это **дело** [дрель] спрятал? [Крысин (ред.) 2014: 438]. Показательно, что в качестве аналогов для слова *дело* в этом значении приведены такие слова с «опустошенной» семантикой, как *вещь, история, фигня, хрень, штука*. Эта словарная информация, однако, не охватывает многих новейших употреблений слова *история*, приводимых далее в настоящей статье.

Таких, ресемантизированных, употреблений слова *история* насчитывается 50 (11,3 %) из 442 контекстов, составляющих пользовательский подкорпус настоящего исследования. Этот подкорпус составлен на материале устного подкорпуса (УП) Национального корпуса русского языка [НКРЯ], корпуса русской повседневной речи «Один речевой день» (ОРД) [<https://ord.spbu.ru>] и записей окружающей речи.

Чтобы оценить степень расширения значения слова *история*, достаточно взглянуть на различные прилагательные, с которыми оно было употреблено в этих контекстах и которые свидетельствуют о «расшатанности» его лексической сочетаемости: *родительская, заочная, белая, кривая, верёвочная, лавандовая, цирковая, ковидная, психосоматическая, поминальная, торпедная, фанатская, референтная, ревматологическая, коммерческая, диспепсическая, барьерная* и др. *история*; *психологические, правоохранительные, сексистские* и др. *истории*. Такой разнообразный речевой материал вынуждает поставить как минимум два вопроса: 1) насколько ресемантизированное слово *история* действительно модно, или в каких коммуникативных ситуациях можно встретить такое его употребление? 2) является ли такое употребление семантически «опустошенного» слова *история* приметой определенного типа речи? Решению этих вопросов и посвящена настоящая статья. Далее под «несловарными» употреблениями понимаются употребления слова *история* в ресемантизированном виде со значением ‘штука, вещь, нечто’.

Зависимость ресемантизированного употребления слова *история* от типа дискурса

Анализ речевого материала показал, что десемантизация слова *история* наблюдается в различных типах дискурса — в бытовых разговорах, интервью и телешоу, на научных конференциях и др., ср.:

- *Причиной смерти указан отёк головного мозга и инфаркт церебральной системы — то есть это **инсультная какая-то история*** (из разговора);
- *Надо заказать пироги из «Штолле» и **поминальную всю эту историю*** (из разговора);

- У него, например, зарплата 12 тысяч, а ему предлагают кредит на полтора миллиона. Это же **несоизмеримые истории!** (из разговора);
- Подпишите эту справку, пожалуйста. Это, поскольку у нас **ковидная история**, предупреждение пациентам о необходимости... (из разговора в клинике);
- [M1]: То есть мы доезжали туда до Иматры оттуда доезжали до Лаппеэнранты <...> [M2]: блин ну а то есть где **вот эта верёвочная история** туда вы? [речь идет о веревочном парке в Иматре] (ОРД)² (из речи менеджера по рекламе);
- [M]: причём ты представляешь это собираются на международном уровне делать всех русскоговорящих ну кто по-русски говорит приглашать сюда [Ж]: откуда? [M]: откуда хочешь <...> они **такую** делают очень **заочную историю** (ОРД) (из речи режиссера);
- Кроме **этой внутриэлитной истории** Россию ожидает социальное землетрясение: у людей очень быстро, прямо залпом понизится уровень жизни (из видеоролика политолога);
- Ну/ во-первых/ <...> у нас была/ ну/ извините/ за такое выражение/ раз мы уж здесь тоже и о всяких **правоохранительных историях** говорим/ такая очная ставка между представителями региональной власти и людьми (УП) (из речи депутата);
- [M1]: Какие-то именно на национальной почве у тебя были хоть раз конфликты или ситуации? [M2]: Мы бились школа на школу. Вот это было регулярно <...> [M1]: Ну, это была **национальная история** или нет? (из интервью урбаниста);
- **Следующая история** кому-то покажется мелкой, но я так не привык — это американский душ <...> лейка жёстко встроена в стену (из видеоролика урбаниста);
- Есть книга, которую вы написали, она называется «Метамодерн в музыке и вокруг неё». И это **история, которая** довольно сильно всколыхнула околomuзыкальную и музыкальную общественность (из интервью с композитором);
- [M]: что за видео мы хотим сделать? это действительно будет **белая история** или нет? [Ж]: я считаю что нужно на белом строить ну на

² Все упомянутые контексты из корпуса ОРД приведены здесь без специальных знаков и разметки (обозначения запяток, вздохов и проч.), какими оформлены оригинальные расшифровки ОРД.

вот эту идею простыни я бы не отметала [театралы обсуждают реквизит для сцены в больнице] (ОРД) (из речи режиссера);

- *Неправильные глаголы — это **такая история**, которую надо постоянно повторять, как таблицу умножения* (из лекции);
- *Это были две **разные** совершенно **истории** — разные эксперименты* (из научного доклада);
- *После *lest* [англ. ‘чтобы не’] сразу идет подлежащее следующего предложения и всё — **никаких дополнительных историй** нам не нужно* (из речи преподавателя английского языка на занятии).

Особый интерес представляют ресемантизированные употребления слова *история* в контексте кулинарного шоу и различных интервью со специалистами в сфере медицины, поскольку отчетливо свидетельствуют о полной утрате словом *история* словарного значения событийности или повествования, ср.:

- *Я вам сейчас покажу **такую историю** — называется кебаб* (из телешоу);
- *Овощи — это **такая история**, которую можно подать в любом виде* (из телешоу);
- *Там **такая** замечательная **лавандовая история**: лавандовое вино, лавандовое пиво <...> (из телешоу);*
- *Наталья, где живёт болезнь в теле? **Психосоматическая** имеется в виду **история**, вот когда мы, вот когда наша психика говорит, что у меня там что-то болит или нам кажется, что оно болит, а на самом деле нет* (из интервью с психологом);
- *Хламидии могут и в крови появляться, соответственно <...> Синдром Рейтера <...> это уже там, кровь берут. Ну это уже **ревматологическая**, там, да, **история**. Это... ревматологи этим занимается* (из интервью с венерологом);
- [M1]: *Если сменил пол, а потом передумал, можно вернуть всё обратно?* [M2]: *<...> Обычно это происходит крайне редко. Обычно это **коммерческая** **какая-то история**, вот когда мужчина перестал быть мужчиной и стал женщиной* (из интервью с андрологом);
- *Что можно рекомендовать в юном совсем возрасте, подросткам? <...> То есть это **барьерная** [барьерные средства контрацепции] **какая-то история?*** (из интервью с гинекологом);
- *Не нужно полностью списывать это на МПС. Но этот симптомокомплекс — он, правда, описывается, потому что это **достаточно***

понятные истории <...> Это и всякие там **диспепсические истории**: может быть диарея, вздутие, метеоризм (из интервью с гинекологом);

- Это **очень частая** (иногда бывает прямо на уровне фобии) **сопутствующая социальной тревожности история** [о страхе покраснеть на публике]. Специальное для него есть название — эритрофобия (из интервью с психологом).

Из многочисленных контекстов видно, что такое расширенное функционирование слова *история* **не привязано** к определенному типу дискурса: оно встречается как в непубличной, так и в публичной речи, и в самых разных коммуникативных ситуациях. Анализ более обширного материала, во-первых, невозможен, поскольку в устном подкорпусе НКРЯ или, например, в Генеральном интернет-корпусе русского языка [ГИКРЯ] содержатся десятки тысяч употреблений слова *история*, из которых ресемантизированные пришлось бы отбирать вручную. Во-вторых, такой обширный анализ в целом излишен, так как на материале уже 50 контекстов не обнаруживается никаких четких соответствий и тенденций, которые можно было бы проверить по корпусам.

Слово история в зеркале социолингвистики

В этом разделе предлагается рассмотреть три социальные характеристики говорящих: профессиональная деятельность, возраст и уровень их речевой компетенции. Что касается первой характеристики, то отсутствие корреляции между профессиональной деятельностью говорящего и активностью ресемантизированного употребления слова *история* в его речи также подтверждается приведенными выше контекстами. Определенная возрастная характеристика тоже не является маркером: подобные употребления слова *история* встречаются и в речи молодежи, и в речи достаточно зрелых людей, вплоть до возраста 60+.

Однако обзор материала с точки зрения УРК говорящих позволил прийти к любопытным наблюдениям. Нередко пользовательский подкорпус пополнялся многочисленными примерами, исходящими от одной языковой личности: например, речь одного и того же говорящего представлена в подкорпусе 13-ю ресемантизированными употреблениями слова *история*, а фрагменты речи еще как минимум 9 человек почти так же часто фигурируют в подкорпусе. Эту проблему можно сформулировать так: имеет ли активное употребление слова *история* в ресемантизированном виде характер индивидуальной речевой черты и «**слова-паразита**», т. е. слова, утратившего в устной речи свое «смысловое или эмоциональное

наполнение» [Литвинова 2012: 55]³? Для иллюстрации приведем небольшой отрывок, в котором слово *история* употреблено 5 раз и в каждом случае с «опустошенной» семантикой:

- *У меня/ в смысле темы какой-то родительской истории и детей. У Романа/ история онкологии/ но/ в общем/ и Роман не выходил на некоторые обобщающие плоскости в смысле/ это история не про то/ как устроена онкология/ и это история не про то/ ну/ отчасти про то/ может быть/ как устроено родительство. Это истории про то/ как/ столкнувшись с очень сильной меняющей какой-то историей/ ты следишь за тем/ как именно ты меняешься <...> (УП).*

По большому счету, слово *история* здесь и во многих приведенных выше контекстах функционирует так же, как прагматические маркеры-декоративы, или «никчемутивы» [Богданова-Бегларян 2019] — это вводные единицы, использующиеся говорящим немотивированно, фактически как вербальные **хезитативы** (по типу *как говорится, так сказать* и др.). Кроме того, такое функционирование слова *история* по функции схоже с употреблением таких прагматических маркеров, как *(и) всё такое (прочее) / (и) всякое такое* (подробнее см.: [Прагматические маркеры... 2021: 134–143]). Маркеры-декоративы, в свою очередь, являются результатом **гиперкоррекции**, признаками стремления говорящего звучать «красиво» — при отсутствии или недостаточной сформированности навыков «хорошей речи». В этом отношении интересен следующий пассаж:

- *Что касается нанесения масла на кожу головы, это вообще отдельная история. <...> Если уже кончики посеченные, то там уже <...> мы только состригаем всё это дело. <...> Когда производитель пишет “шампунь против посеченных кончиков, ломкости”, даже против жирности — вот ещё один такой момент, который бесит всех специалистов <...> Может быть жирная, по типу кожа жирная, но она обезвоженная. Может быть шелушение, зуд, там различные вот такие моменты, но это не меняет сам тип кожи головы (из интервью с трихологом).*

В одном контексте представлены два ресемантизированных слова — *история* и *дело*, а также дважды употреблено слово *момент*, которое тоже претерпело значительную семантическую модификацию: изначально имея значение времени, это слово обрело периферийное значение ‘отдельная сторона какого-л. явления или обстоятельство, сопутствующее

³ См. о словах-паразитах также: [Шмелев 1998; Дараган 2000].

условие' [МАС 1999: 295], и в приведенном контексте тоже вполне можно говорить о его ресемантизации. Использование семантически «опустошенных» слов *дело*, *момент* и *история*, новое значение которых способно «покрыть» значения единиц совершенно разной тематики, позволяет говорящим выражать мысль без называния конкретного предмета. Это ускоряет коммуникацию и избавляет от необходимости тратить усилия на подбор, припоминание слова с конкретным значением, ведь собеседник вполне понимает из контекста, о чем речь. Роль смыслового центра высказывания при этом берет на себя прилагательное (или причастие), в сочетании с которым употреблено ресемантизированное слово *история*, как это можно наблюдать из приведенного в начале работы списка. Итак, чрезмерное употребление ресемантизированного слова *история* как средства, работающего на **экономия речевых усилий**, может указывать на невысокий уровень речевой компетенции говорящего. Однако такой вывод не совсем верен, и это доказывается в следующем разделе.

Ресемантизированное употребление слова *история* как индивидуальная речевая черта

Почти все говорящие, чья речь попала в пользовательский подкорпус и отличается активностью употреблений слова *история* с «опустошенной» семантикой, имеют высшее образование (среди них, например, есть доктор филологических наук, преподаватель-режиссер, университетский преподаватель английского языка и т. д.), и их УРК невозможно определить как низкий. В связи с этим ценно наблюдение А. Д. Шмелева: «исследования разговорной речи не могут опираться на компетенцию носителей языка: как было обнаружено довольно давно, *особенности* (курсив мой. — А. Б.) разговорной речи обычно не осознаются говорящими, которые, даже когда им предьявляют их собственные высказывания, не верят, что они могли действительно так сказать» [Шмелев 2010: 239]. В связи с этим более вероятно, что ресемантизированные употребления слова *история* для этих говорящих имеют статус **индивидуальной речевой черты**, которая несознательно выработалась у них в стремлении придать своей речи **непринужденный** характер. Так, закономерно, что гинеколог или психолог в своем интервью хочет «простым» языком донести до широкой аудитории многие недоступные неспециалисту нюансы, преподаватель преследует цель доходчиво объяснить студентам материал, а в контексте кулинарной передачи нет установки на то, чтобы речь шеф-повара звучала строго и точно. Еще более это касается бесед на бытовые

темы. Таким образом, все упомянутые контексты так или иначе объединяет то, что говорящий хочет звучать «легко», непринужденно, так, чтобы мысль сразу схватывалась собеседником⁴.

Выводы

Таким образом, в данной статье на основе анализа повседневной устной речи подтверждается отмеченный исследователями факт, что слово *история* в своем расширенном употреблении сейчас действительно стало «модным» и способно встраиваться в любой дискурс. Как показывает опыт, все «модные» слова достаточно быстро выходят из моды, теряют заряд экспрессии и новизны, но при этом могут закрепиться в идиолекте отдельного человека, и он может продолжать их употреблять, несмотря на смену моды. Употребление слова *история* в значении ‘вещь’, ‘штука’, ‘нечто’ — это рефлекс универсального процесса экономии речевых усилий, ставший общей тенденцией на современном срезе развития языка, которая не является приметой речи определенной социальной группы и которая, скорее, является индивидуальной речевой чертой. В одних случаях эта индивидуальная черта имеет характер слова-паразита и указывает на невысокий уровень речевой компетенции носителя языка, а в других — свидетельствует о том, что у говорящего в данной ситуации есть установка на максимально непринужденный стиль речи.

Источники

ГИКРЯ — Генеральный интернет-корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://www.webcorpora.ru/> (дата обращения: 8.11.2022).

Евгеньева А. П. (ред.). *Словарь русского языка*: в 4 т. Т. 1. А — Й. 4-е изд., стер. М.: Русский язык; Полиграфресурсы, 1999. 702 с.

⁴ Среди возможных причин употребления ресемантизированного слова *история* можно перечислить и следующие два частных обстоятельства. Во-первых, упомянутое употребление *инсультная какая-то история* маркирует неуверенность говорящего в достоверности воспроизводимой им информации (ср.: *что-то, вероятно, связанное с инсультом*), или, скорее, такое употребление позволяет говорящему показать, что он не обладает глубокими знаниями о называемом им предмете/явлении и не может дать подробный комментарий к той информации, которую передал собеседнику. Если бы говорящий построил фразу иначе, например, *Причиной смерти указан отёк головного мозга и инфаркт церебральной системы — то есть это инсульт*, то это бы свидетельствовало о том, что он уверен в достоверности воспроизводимой им информации и/или готов ее прокомментировать. Вторая частная функция ресемантизированного употребления слова *история* состоит в том, что оно может играть роль эвфемизма, и это хорошо демонстрируется на упомянутом сочетании *поминальная вся эта история*, которое используется с целью как бы избежать названия неприятных вещей (похороны, гроб, прощальное застолье и др.).

Крысин Л. П. (ред.). Толковый словарь русской разговорной речи. Вып. 1: А — И / Отв. ред. Л. П. Крысин. М.: Изд. Дом ЯСК, 2014. 775 с.

НКРЯ — Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <https://ruscorpora.ru>.

ОРД — Корпус русской повседневной речи «Один речевой день» [Электронный ресурс]. URL: <https://ord.spbu.ru>.

Подкаст на сайте «Техника речи» [Электронный ресурс]. URL: <https://tehnikarechi.studio/episodes/2019/10/21/slovom-istoriya-mozhno-oboznachit-vse-chto-ugodno-kak-menyaetsya-moda-na-slova> (дата обращения: 8.11.2022).

Литература

Базаржапова А. Д. История как вещь, штука и дело: о процессе ресемантизации знаменательного слова в современной русской речи // Тезисы докладов XXV Открытой конференции студентов-филологов. Санкт-Петербург: СПбГУ, 2022. С. 55–56. URL: https://conference-spbu.ru/files/local/CMS_File/h0000/6501/6501.pdf?1651682278.

Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка / Пер. с 3-го фран. изд. Е. В. и Т. В. Вентцель / Ред., вступ. статья и прим. Р. А. Будагова. М.: Изд-во иностранной лит-ры, 1955. 416 с.

Богданова Л. И. Слово в речи и в словаре // Слово и словарь = Vocabulum et vocabularium. Сборник научных материалов / И. Л. Копылов (гл. ред.). Минск: Четыре четверти, 2017. С. 7–12.

Богданова-Бегларян Н. В. Об одной из проблем современной коллоквиалистики (в поисках терминов для новых единиц) // Языковые категории и единицы: синтагматический аспект. Материалы XIII Международной научной конференции, посвященной 90-летию проф. А. Б. Копелиовича и 100-летию педагогического образования во Владимирской области. Владимир: Транзит-ИКС, 2019. С. 86–90.

Богданова-Бегларян Н. В. Ядро и периферия лексико-грамматической характеристики русского слова: о судьбе периферийных единиц // Мир русского слова. 2020. № 2. С. 23–31.

Бонфанте Дж. Позиция неолингвистики // В. А. Звегинцев (ред.). История языкознания XIX и XX веков в очерках и извлечениях. Часть I. М.: Учпедгиз, 1960. С. 298–319.

Дараган Ю. В. Функции слов-«паразитов» в русской спонтанной речи // Труды Международного семинара «Диалог-2000» по компьютерной лингвистике и ее приложениям. Том 1. Теоретические проблемы. Протвино: РГГУ, 2000. С. 67–73.

Литвинова Г. М. К проблеме употребления слов-паразитов в современном русском языке // Вестник Московского ун-та. Серия 22. Теория перевода. 2012. № 2. С. 55–62.

- Прагматические маркеры* русской повседневной речи: словарь-монография / Сост., отв. ред. и автор предисловия Н. В. Богданова-Бегларян. СПб.: Нестор-История, 2021. 520 с.
- Розина Р. И. Крохотки: о том, чего нет в «Толковом словаре русской разговорной речи» // *Повседневная речь как объект лексикографии* (XIII Шмелевские чтения). Тез. докл. межд. конф. М.: ИРЯ РАН, 2020. С. 63–64.
- Шведова Н. Ю. *Русский язык: Избранные работы*. М.: Языки славянской культуры, 2005. 640 с.
- Шмелев А. Д. Слова-паразиты и их роль в построении дискурса // *Русский язык в контексте современной культуры*. Екатеринбург. Тезисы международной научной конференции (29–31 октября 1998 г.). Екатеринбург: УрГУ, 1998. С. 151–153.
- Шмелев А. Д. Языковые факты и корпусные данные // *Русский язык в научном освещении*. 2010. № 19 (1). С. 236–265.
- Bybee J. L. Mechanisms of change in grammaticization: The role of frequency // *The handbook of historical linguistics* / B. D. Joseph, J. Janda (eds.). Oxford, Blackwell, 2003, pp. 602–623.

References

- Bally Ch. *Linguistique générale et linguistique française*. 1950. 440 p. (Russ. ed.: Bally Ch. *Obshchaya lingvistika i voprosy frantsuzskogo yazyka*. Moscow, Izdatel'stvo Inostrannoi Literatury, 1955. 416 p.)
- Bazarzhapova A. D. [*Istorija as veshch', shtuka and delo*: on the process of resemantization of an independent word in modern Russian speech]. *Tezisy dokladov XXV Otkrytoi konferentsii studentov-filologov* [Abstracts of the XXV Open Conference of Philology Students]. St. Petersburg, 2022, pp. 55–56. (In Russ.) Available at: https://conference-spbu.ru/files/local/CMS_File/h0000/6501/6501.pdf?1651682278 (accessed 12.11.2022).
- Bogdanova L. I. [Word in speech and in the dictionary]. *Slovo i slovar' = Vocabulum et vocabularium. Sbornik nauchnykh materialov* [Proc. of "Word and Dictionary = Vocabulum et vocabularium"]. Minsk, 2017, no. 15, pp. 7–12. (In Russ.)
- Bogdanova-Beglarian N. V. [On one of the problems of modern colloquialistics (in search of terms for new units)]. *Materialy XIII Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, posvyashchennoi 90-letiyu prof. A. B. Kopeliovicha i 100-letiyu pedagogicheskogo obrazovaniya vo Vladimirskoi oblasti* [Proc. of the XIII International Conference dedicated to the 90th anniversary of prof. A. B. Kopeliovich and the 100th anniversary of pedagogical education in the Vladimir region]. Vladimir, 2019, pp. 86–90. (In Russ.)
- Bogdanova-Beglarian N. V. [The core and periphery of the lexical and grammatical characteristics of the Russian word: on the fate of peripheral units]. *Mir russkogo slova*, 2020, no. 2, pp. 23–31. (In Russ.)

- Bonfante G. [Position in neolinguistics]. Zviagintsev V.A. *Istoriya yazykoznaniya XIX i XX vekov v ocherkakh i izvlecheniakh* [History of linguistics of the 19th and 20th centuries in essays and extracts. Part I]. Part I. Moscow, Uchpedgiz Publ., 1960, pp. 298–319.
- Bybee J. L. Mechanisms of change in grammaticization: The role of frequency // The handbook of historical linguistics / B. D. Joseph, J. Janda (eds.). Oxford, Blackwell, 2003, pp. 602–623. (In Eng.)
- Daragan Yu. V. [Functions of “parasite” words in Russian spontaneous speech]. *Trudy Mezh-dunarodnogo seminara “Dialog-2000” po komp’yuterno lingvistike i ee prilozheniyam. Tom 1. Teoreticheskie problemy* [Proc. of the International Seminar “Dialogue-2000” on computational linguistics and its applications. Vol. 1. Theoretical problems]. Protvino, 2000, pp. 67–73. (In Russ.)
- Litvinova G. M. [On the problem of the use of parasitic words in modern Russian]. *Vestnik Moskovskogo un-ta. Seriya 22. Teoriya perevoda*, 2012, no. 2, pp. 55–62. (In Russ.)
- Pragmatische markery russkoi povsednevnoi rechi: slovar'-monografiya* [Pragmatic markers of Russian everyday speech: dictionary-monograph]. St. Petersburg, Nestor-Istoriya Publ., 2021. 520 p.
- Rozina R. I. [Tiny words: about what is not in the “Explanatory Dictionary of Russian Everyday Speech”]. *Povsednevnyaya rech' kak ob'ekt leksikografii (XIII Shmelevskie chteniya). Tez. dokl. mezhd. konf.* [Proc. of 13th International Conference “Everyday speech as an object of lexicography”]. Moscow, 2020, pp. 63–64. (In Russ.)
- Shmelev A. D. [Parasite words and their role in the construction of discourse]. *Russkii yazyk v kontekste sovremennoi kul'tury. Ekaterinburg. Tezisy mezh-dunarodnoi nauchnoi konferentsii (29–31 oktyabrya 1998 g.)* [Russian language in the context of modern culture. Yekaterinburg. Abstracts of the international scientific conference (October 29–31, 1998)]. Yekaterinburg, 1998, pp. 151–153. (In Russ.)
- Shmelev A. D. [Language facts and corpus data]. *Russkii yazyk v nauchnom osveshchenii*, 2010, no. 19 (1), pp. 236–265. (In Russ.)
- Shvedova N. Yu. *Russkii yazyk: Izbrannye raboty* [Russian language: Selected works]. Moscow, Yazyki Slavyanskoi Kul'tury Publ., 2005. 640 p.